

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 009.2.726

«ЖРЯХУ ИМ, НАРИЧЮЩЕ БОГЫ»: ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ЯЗЫЧЕСКИХ СВАТИЛИЩ И ИХ СЛУЖИТЕЛЕЙ

М.Н. Козлов

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, 299053, Россия

Аннотация

Предметом анализа в настоящей статье стала практически незатронутая отечественными учёными-историками тема, связанная с источниками содержания восточнославянских языческих святилищ и их служителей. Проведён источниковедческий анализ проблемы, сформулированы аргументы в ответ на актуальную в последнее время необъективную критику источниковедческой базы исследования Древней Руси домонгольской эпохи. Опираясь на археологические данные, древнерусские летописи и сочинения Ахмада ибн Фадлана, автор поэтапно показал особенности содержания небольших родовых капищ, городищ-свадил, городских сакральных центров и их служителей-жрецов. В исследовании представлена специфика языческого культа в древнерусских городах, в частности уникальная система жреческой иерархии. В заключение затронут вопрос об установлении киевским князем Владимиром Святославичем постоянного финансирования городского святилища в 980 г.

Ключевые слова: святилище, капище, жертвоприношение, десятина, языческое мировоззрение, идолы, волхвы, жрецы

Языческое наследие составляет неотъемлемую часть древнерусской культуры и чётко прослеживается в ремесле, строительстве, искусстве, фольклоре этого периода. Существенное влияние оно оказало на последующее формирование мировоззрения славян в раннехристианскую эпоху. Следовательно, без рассмотрения особенностей языческого богослужения невозможен детальный анализ религиозного и культурного развития древнерусского общества.

В современной историографии одной из самых малоизученных проблем, связанных с восточнославянским языческим культом, остаётся система содержания древнерусских языческих святилищ и их служителей. Большинство исследователей Древней Руси вообще не затрагивают данную тему. Исключением стали Б.А. Тимошук и И.П. Русанова, которые, опираясь на богатейший археологический материал и письменные источники, выдвинули следующее предположение: восточнославянские языческие святилища представляли собой не только

религиозные, но и административные центры, содержащиеся за счёт окрестных крестьян [1, с. 44; 2, с. 117–118].

Некоторые замечания по рассматриваемой проблеме находим в работе Я.М. Щапова «Церковь в системе государственной власти Древней Руси». Исследователь обратил внимание на тот факт, что древнерусская десятина как форма материального обеспечения церкви, представляющая одну десятую часть княжеских доходов, не имела прямых параллелей ни в одной из стран Европы того периода. По его мнению, институт древнерусской десятины сформировался задолго до начала христианизации Руси и использовался для содержания языческой церкви [3, с. 320].

Как видим, хотя вопрос о содержании древнерусских языческих святилищ и их служителей затрагивался в научных трудах отечественных учёных, комплексного исследования не проводилось.

Наиболее информативными источниками изучения данной темы являются материалы археологических исследований восточнославянских языческих святилищ, древнерусские летописи и сообщения арабского путешественника Ахмада ибн Фадлана. Именно на них мы будем опираться в нашем исследовании.

Вместе с тем нельзя не упомянуть критическую теорию в отношении материалов раскопок древнерусских святилищ, которая сегодня приобретает всё большую популярность. Её родоначальником стал В.Й. Мансикка, а позднее активно поддержал Л.С. Клейн. Эти учёные утверждают, что до настоящего времени не найдено ни одно святилище, относящееся к языческому периоду существования наших предков; материалы, же представленные в многочисленных отечественных монографиях и статьях, – фальсификация [4, с. 60–61; 5, с. 180]. Так, Л.С. Клейн относит все древнерусские святилища, кроме поднепровских, к «недостовверным», а верхнеднепровские – к неславянским и «полутюрским». Его логика такова: жившие в Поднепровье дулебы и хорваты не восточные славяне, а западные. Южные соседи дулебов и хорватов – тиверцы – вообще граничили с тюркской степью, поэтому все жители Приднепровья, по словам Л.С. Клейна, были полутюрками [5, с. 181–211].

На наш взгляд, в данном случае следует учесть то, что материалы раскопок тиверских древностей практически идентичны аналогичным материалам дулебов, хорватов и других восточнославянских племенных союзов. Никакого тюркского влияния на археологическом уровне не прослеживается [6, с. 93]. Что же касается разделения древнерусских племенных союзов на славян западных и восточных, то оно весьма условно. В частности, древнерусский летописец сообщает о том, что «из ляхов» были радимичи, вятичи, новгородские словене и даже поляне (ПВЛ, с. 28). Приведённые доводы позволяют нам утверждать: критическая теория В.Й. Мансикки – Л.С. Клейна не имеет весомых аргументов. Материалы раскопок древнерусских языческих святилищ по-прежнему представляют собой один из важнейших источников изучения восточнославянского язычества.

Как уже отмечалось, большое значение в данном вопросе отводится сообщениям восточных авторов, в частности Ибн-Фадлана, оставившего описание религиозной жизни древнерусских купцов и дружинников в Булгаре XI столетия. Волжская Булгария, будучи ближайшим соседом Киевской Руси, вела с ней

оживлённую торговлю. Вполне возможно, что в Булгаре был целый квартал для русских купцов, на территории которого, помимо жилых домов, находился языческий комплекс, аналогичный тем, что были в древнерусских городах, и состоящий из святилища, места для сжигания умерших и курганного могильника. Таким образом, сведения арабского путешественника могут служить источником изучения религиозного культа в городах Древней Руси дохристианской эпохи. Однако, по мнению ряда исследователей, русы в его сообщениях – это не славяне, а норманнские путешественники [7, с. 271]. Так, например, Л.С. Клейн пишет: указание Ибн-Фадлана на то, что русские женщины носили коробочки из дерева или металла, чтобы скрыть грудь, свидетельствует в пользу описания норманнов, так как коробочки – это норманнские фибулы [5, с. 172–173].

С нашей точки зрения, предположение Л.С. Клейна абсолютно неверно. Во-первых, норманны вообще не брали в путешествия жён или дочерей, их могли сопровождать только невольницы, которые не носили никаких украшений. Во-вторых, норманнские женщины носили свободное платье-рубаху с длинными широкими рукавами, бретели которых закреплялись на плечах парными фибулами-брошами. На талии такой сарафан иногда перехватывался поясом. Нижнего белья они не знали, а грудь специально не прикрывали. Застёжки-фибулы действительно использовались, но застёгивались не на груди, а на плечах или поясе [8, с. 93]. В то же время у славянок для закрепления верхней одежды употреблялись в основном пальчатые фибулы. Археологи зафиксировали также бронзовые, серебряные и железные пряжки с круглыми, полукруглыми, овальными, восьмёркообразными формами. Они застёгивались на плечах и груди [6, с. 258, 260]. Таким образом, Ибн-Фадлан вполне мог назвать их коробочками, закрывающими грудь.

Восточнославянское святилище, описанное Ибн-Фадланом, Л.С. Клейн также считает норманнским. Как полагает исследователь, там вполне могли стоять идолы богов-супругов, таких как Один и Фригг, Тор и Сиф [5, с. 174]. В норманнских сагах действительно упоминаются богини-красавицы. Но не стоит забывать, что их святилища предназначались, как правило, одному божееству (чаще всего воителям – Одину и Тору), «семейные» капища для скандинавского языческого культа характерны не были [9, р. 182].

Согласно сообщениям Ибн-Фадлана, русский купец после воззвания к верховному идолу и в случае неудачной торговли приходил к святилищу второй раз и обращался к одной из жён этого идола. Соответственно, верховной богиней после бога-прародителя была его супруга. У воинственных норманнов три верхние ступени пантеона занимали главные божества – Один, Тор и Фрейр. Так, северогерманский хронист-схоластик XI в. Адам Бременский пишет следующее: «...Народ (в Швеции) поклоняется статуям трёх богов... в середине триклиния сидит Тор, а Водан (Один) и Фрикко (Фрейр) сидят по одну и по другую сторону от него. Отличительные черты каждого из них: Тор, говорят, владычествует в воздухе и правит громом и молнией, ветром и дождём, хорошей погодой и урожаем. Второй, Водан, что значит “ярость”, ведёт войны и вселяет в людей храбрость перед лицом врагов. Третий, Фрикко, дарует смертным мир и сладострастие, его идол снабжён поэтому огромным детородным членом...» (цит. по [8, с. 182]).

В восточнославянской мифологии родоначальником всех богов и прародителем людей считается Род. Его жёнами и дочерьми были рожаницы – богини, весьма почитаемые древнерусским обществом: крестьянами-земледельцами, купцами и воинами-дружинниками. К тому же археологами было найдено восточнославянское языческое святилище на реке Гнилопять (Житомирская область Украины), которое вполне подходит под описание Ибн-Фадлана. В нём обнаружена яма от большого идола-столба, а вокруг зафиксированы ямки от идолов меньших размеров [10, с. 233–237]. Таким образом, святилище, описанное Ибн-Фадланом, принадлежало Роду и рожаницам, а под русами путешественник понимал наших предков.

Итак, по данным письменных источников и археологии, уже во второй половине первого тыс. н. э. у восточных славян сформировалась довольно сложная культовая система. Кроме традиционных мест совершения религиозных обрядов – священных рощ, берегов рек и озёр, существовали также:

- 1) небольшие родовые капища, расположенные на окраинах посёлков или вблизи них;
- 2) городища-святилища, обслуживающие интересы нескольких родовых гнёзд – поселений;
- 3) городские капища.

Жрецы осуществляли в них лишь религиозные функции и не занимались хозяйственной деятельностью. Определить источники содержания древнерусских языческих святилищ и обслуживающих их жрецов – главная цель настоящей статьи.

В наше время исследованы небольшие восточнославянские святилища VI – IX вв., используемые жителями одного посёлка. Они представляли собой кругообразные площадки-капища с идолом, стоящим в центре. Капище обычно окружено ровиком или рядом камней. В его жертвенниках зафиксированы раздробленные кости животных, черепки разбитой посуды, изредка останки людей [1, с. 44; 11, с. 53].

Описание языческого богослужения в небольшом родовом посёлке Медвежий Угол мы находим в «Сказании о построении града Ярославля»: «Бысть селище, рекомое Медвежий угол, в нем же населенцы – чловецы поганяя веры – языцы, зли суши... Идол, ему же кланястася сии, бысть Волос, сиречь скотий бог. И сей Волос, в нем бес живя... стояше среди логовины, нарицаемой Волосовой, отселе же и скотий на пажити изгоняше. Сему же многоказненному идолу и керметь створена бысть и волхов вдан... Тако когда прииде первый спут скотия на пажити, волхов закла ему тельца и телицу, в обычное же время, от своих и диких зверей жертвенное сожига, а в неких больных – и от человек»¹ (СПГЯ, с. 9).

Как видно из данного источника, небольшие родовые святилища обслуживались одним служителем культа – волховом. Жители родового поселения приносили в жертву своему божеству домашних животных, дичь, добытую в окрестных лесах, а иногда и людей. Интересно, что кости таких животных

¹ Здесь и далее при цитировании источников имена собственные даются с прописной буквы, выносные буквы приводятся в строке, титла раскрываются, вышедшие из употребления буквы передаются соответствующими буквами современного алфавита, союзы и предлоги пишутся раздельно с последующими словами; в остальных случаях сохраняется орфография оригинала.

часто были раздроблены, что свидетельствует о разделении туш перед жертвоприношением. Одну часть сжигали, совершая ритуал «кормление богов», а другую, возможно, оставляли служителю языческого культа для его собственных потребностей.

В том же источнике сообщается, что при попытке князя Ярослава Мудрого приблизиться со своей дружиной к святилищу местные жители спустили на него медведя – зверя, представлявшего в сознании древних славян один из образов бога Велеса (СПГЯ, с. 9). По всей вероятности, священный зверь содержался в специальной клетке при святилище и кормился остатками туш, принесённых в жертву божеству.

Помимо осуществления жертвоприношений, служитель языческого культа должен был следить за порядком в святилище и поддерживать священный огонь. Не исключено, что жрец руководил и ритуальными церемониями в случае рождения младенца, пострига ребёнка, бракосочетания, погребения, поминальных торжеств. В его обязанности входило лечение своей паствы, гадание. За всё это односельчане должны были давать ему определённые подношения.

О том, что у наших предков не существовало твёрдо установленной платы за услуги служителей языческого культа, сообщает Адам Бременский: «Варвары – эсты, ливы и русы до сих пор не слышали о десятине или не желают её платить, их заставляют платить за то, что они привыкли получать даром: за крещение, освящение алтарей и посвящение в церковные должности» (ХАГЦ, с. 114).

Скорее всего, система финансирования рядовых служителей культа у славян-язычников была такой же, что и в христианский период. Английский дипломат Дж. Флетчер приводит следующие данные относительно существования сельских священников в России XVI в.: «Что касается до платы, которую получали священники, то у них нет обычая давать священнику десятину хлеба или чего другого, но он должен зависеть от добросовестности своих прихожан и собирать, как умеет, на пропитание доходы от молебнов, исповедей, браков, погребений и так называемых молитв за живых и усопших, потому что, кроме общей службы в церквах, каждому частному лицу, священник обыкновенно читает ещё особенную молитву по какому бы то ни было поводу или делу, собирается ли он куда ехать, идти, плыть водою или пахать землю – словом, при всяком его деле. Молитвы эти не приспособлены к обстоятельствам дела, но выбираются случайно из обычных церковных молитв, однако их считают святее, когда они произносятся священником, чем когда читаются кем-либо самим» (ОГР, с. 114).

Примерно в IX столетии у восточных славян существенно усложнилась система богослужения, что связано с появлением городищ-святилищ. Они были огорожены специальными защитными валами и рвами, имели более сложную структуру и значительные размеры. Такие священные места располагались в середине гнёзд-поселений и представляли собой религиозные центры для группы родовых общин или даже небольших восточнославянских племён. Более того, часто они вступали в качестве административного центра сельской округи. Об этом свидетельствуют обнаруженные в городищах-святилищах фундаменты специальных длинных домов, в которых крестьяне решали свои главные вопросы,

связанные с жизнедеятельностью всего племени [2, с. 111]. Председательствовали на этих собраниях служители языческого культа.

Городища-святилища, как представляется, содержались так же, как родовые святилища, то есть система была аналогичной. Б.А. Тимошук обратил внимание на тот факт, что в домах жрецов Збручского культового центра (Тернопольская область Украины) не было обнаружено никаких сельскохозяйственных или других орудий труда. По его мнению, живущие в округе крестьяне содержали местные святилища и их служителей [2, с. 115–116]. Вместе с тем в поселениях-спутниках, согласно данным археологии, крестьяне активно занимались сельским хозяйством и ремеслом. Предметы, изготовленные в таких мастерских, составляют основную массу подношений, найденных археологами в жертвенниках святилищ Збручского культового центра. Помимо пожертвованных крестьян и ремесленников, были обнаружены изделия мастеров из близлежащих городов [2, с. 118–119; 12].

Служители племенных святилищ имели более многочисленную паству, потому были обеспеченнее и влиятельнее, чем их «коллеги» из родовых капищ. Так, при раскопках Шумского и Гнилопятского святилищ (Житомирская область Украины) вокруг усадьбы-землянки местных служителей археологи обнаружили остатки специальных сараев для хранения значительного количества зерна [1, с. 43; 10, с. 233–237]. По-видимому, местные служители языческого культа были главными распорядителями всех запасов зерна крестьян из окрестных поселений, а значит, властителями их жизни и смерти.

Археологические данные подтверждаются письменными источниками. В частности, Абу Али Ахмед ибн Омар, арабский учёный-энциклопедист первой половины X столетия, в литературе более известный как Ибн-Даста (Ибн-Руста), сообщает о восточнославянских жрецах следующее: «Есть у них знахари, из которых иные управляют царями так, будто они их начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказ никак нельзя» (цит. по [13, с. 398]). Эти сведения нашли отражение у неизвестного среднеазиатского автора IX в.: «Большую власть у них имели волхвы, которые пользовались правом ритуального убийства мужчин и женщин» (цит. по [14, с. 29]).

С возникновением в Киевской Руси крупных городов появились городские святилища, обслуживающие интересы местных князей, их дружинников и горожан-язычников. Система языческого богослужения в городах и княжеских крепостях имела отличительные особенности. Профессиональные служители культа занимали подчинённое положение по отношению к князю и его ближайшему окружению. Князь Владимир Святославич, будущий креститель Руси, например, в «Повести временных лет» под 983 г. предстаёт правителем-жрецом: «Иде Володимеръ на Ятвягы, и побьдъ Ятвягы, и взя землю их. И прииде Киеву, и творяще требу кумиромъ с людьми своими» (ПВЛ, с. 96). Важное место в религиозной жизни восточных славян занимал и его дядя Добрыня. Он, скорее всего, будучи наместником Владимира в северной столице, стал верховным жрецом Новгорода. Согласно «Повести временных лет», именно Добрыня руководил сооружением нового храма в урочище Перынь: «Володимер же посади

Добрыню, уя своего, у Новъгородъ. И пришед Добрыня к Новугороду, постави кумира над рекою Волховомъ. И жряху йому людие новгородстии, акы богу» (ПВЛ, с. 56).

Вместе с тем князь и его ближайшее окружение, вероятно, осуществляли лишь общее и номинальное руководство городскими святилищами. Основные жреческие функции по-прежнему выполняли профессиональные служители культа. Так, Густынская летопись упоминает «ереев – жрецов идольских» в святилище Перынь, которые контролировали его (ИЛ, стб. 257). Согласно Житию Фёдора и Иоанна по списку Троице-Сергиевой Лавры XVI в., киевские волхвы бросали жребий на «отрока и девицу» после удачного для русов похода на ятвягов в 1093 г. (ЖФИ, с. 44).

Городские волхвы, как родовые и племенные, очевидно, получали часть туш животных, принесённых в жертву в святилищах. Например, при раскопках Т.М. Молчановским в 1975 г. киевского святилища, расположенного вблизи развалин Десятинной церкви, было найдено большое количество костей животных (главным образом крупного рогатого скота (91%)), принадлежавших молодым и взрослым особям. В жертвеннике обнаружены также кости свиней, птиц и рыб. Все они были аккуратно разрублены, следовательно, мясо животных разделяли на части [15, с. 47–52].

Эти данные археологии находят подтверждение у Ибн-Фадлана. В частности, в «Записках путешественника» он сообщает о том, что приезжавшие в Булгар русские купцы приносили в жертву идолам (верховному богу, его жёнам и дочерям) хлеб, мясо, лук, молоко. Затем разделяли туши овец или крупного рогатого скота. Часть из них они раздавали, а остальное клали перед идолами. Ночью мясо съедали бродячие собаки (ЗП, с. 95). Сведения Ибн-Фадлана чрезвычайно ценны, поскольку прямо указывают на то, что в жертву божеству отдавалась лишь определённая часть, остальное же, по словам автора «Записок», кому-то раздавалось. Отметим: жертвоприношение, описанное Ибн-Фадланом, осуществлялось в святилище, и раздать свои подношения гость мог только местным жрецам.

Помимо контроля за жертвоприношениями, городские служители языческого культа выполняли такую важнейшую функцию, как подготовка и осуществление погребений горожан. В связи с этим наиболее значимые городские святилища часто располагались недалеко от погребальных курганов и составляли с древними могильниками единый сакральный комплекс [16, с. 35].

В отличие от простых безынвентарных захоронений русичей-земледельцев курганы воинов-дружинников характеризуются сложной структурой, богатством сопровождающих их предметов, наличием костей домашних и диких животных [17, с. 156–158; 18, с. 30; 19, с. 86]. Встречаются и парные дружинные захоронения, в которых рядом с умершим воином клали его умерщвлённую на похоронах жену или невольницу [20, с. 182]. Погребение воинов-дружинников требовало немало средств, часть из которых, по-видимому, передавалась жрецам, осуществляющим подготовку к погребению. Так, у Ибн-Фадлана мы находим следующие строки: «В случае смерти кого-то из русских путешественников его имущество делилось на три части. Одну часть передавали умершим родственникам, другую

сжигали на погребальном костре, третья шла в уплату за приготовление к погребению» (ЗП, с. 95).

Полагаем, в языческую эпоху служители культа лечили свою городскую паству и получали за это определённые подношения. Даже в эпоху христианизации волхвы продолжали практически открыто заниматься врачебной деятельностью. Так, при раскопках языческого святилища XII – XIII вв. в российском городе Плеск недалеко от главной ямы (собственно святилища) археологи зафиксировали другую, меньшую по размерам. Кроме обломков глиняных горшков, здесь найден также фрагмент бронзовой цепи, накрытый куском переплавленного железа. По мнению учёных, вторая яма представляла собой нечто вроде больницы. В этом городе жрецы «изгоняли болезни из местных жителей» и «закрывали их в святилище» [21, с. 52–53].

Письменные источники подтверждают приведённые археологические данные. Например, в древнеславянской Кормчей книге XII столетия категорически запрещается обращаться к волхвам, которые «в помощь себя бесов призывают в оуставления страдания и немочи» (СК, с. 1106). О том, что подобная практика существовала в XI в. даже в Киеве, свидетельствует Житие Спиридона Проскурника и Олимпия Иконника, в котором описывается, как в период правления князя Всеволода Ярославича некий киевский вельможа заболел проказой и неоднократно прибегал к медицинской помощи киевских волхвов (ЖСПОИ, с. 174). Известны случаи, когда в христианскую эпоху к волхвам обращались древнерусские князья. Один из них описан в Первой новгородской летописи, где речь идёт о полоцком князе Брючеславе, чей сын Всеслав считался рождённым от волхования. Кроме того, на голове у него была «язвена», которую лечили языческие жрецы. Именно они надели на него повязку и не велели её снимать до конца жизни (НПЛ, стб. 151).

Как видим, городские служители языческого культа, подобно жрецам родовых и племенных святилищ, получали определённую часть из подношений, адресованных божествам, а также довольно значительную плату за подготовку к погребению умерших, лечение горожан и другие «услуги».

В заключение следует упомянуть о косвенных свидетельствах того, что князь Владимир Святославич, соорудив в Киеве на Перуновом холме государственный пантеон языческих божеств, установил постоянную систему содержания нового храма. Так, Я.М. Щапов отмечает, что создание нового городского святилища с головным идолом, частично сделанным из серебра и золота, было дорогостоящим проектом. Исследователь приходит к выводу: в 980 г. была введена система финансирования нового государственного святилища, аналогичная той, что была установлена Владимиром после строительства Десятинной церкви, то есть одна десятая часть личных доходов великого князя [3, с. 320–321].

Прямых подтверждений гипотезы Я.М. Щапова мы не находим. Вместе с тем в некоторых отечественных письменных источниках содержатся неясные намёки на то, что некоторые восточнославянские языческие святилища получали постоянное финансирование за счёт процентов от прибыли с княжеских имений, торговых операций и т. д. Например, в Уставе князя Святослава Ярославовича читаем: «Князь Святослав сказал: статут, бывший прежде нас в Руси от прадед и от дед наших, имати пискупом десятину от даний, и от вир, и от продаж,

что входит в княж двор всего» (УСЯ, с. 85). Дедом князя Святослава Ярославича был креститель Руси Владимир, а прадедами – князья-язычники Игорь и Святослав, которые и платили десятину «пискупам».

Большой интерес вызывает также отрывок из Жития митрополита Михаила по списку XVI в. Киево-Печерской лавры. В названном источнике неизвестный автор, описывая крещение жителей Киева, вдруг неожиданно сообщает: «Владимир дары, что прежде идолам шли, святым церквям давати завещал» (ЖМ, с. 274).

Таким образом, можно сделать вывод: все восточнославянские святилища содержались за счёт почитающих их язычников (из родовых общин, гнёзд поселений, городов). Служители языческого культа, ответственные за поддержание порядка в святилище, получали за свои услуги часть подношений, предназначенных для богов, а также произвольную плату за определённые ритуалы и лечение. Чем больше было почитателей у языческого святилища, тем богаче и влиятельнее были его служители. Жрецы городских святилищ за подготовку умершего к погребению получали часть его имущества. На завершающем этапе существования восточнославянского язычества в Киеве была установлена постоянная система финансирования государственного языческого пантеона – одна десятая часть от доходов великого князя Владимира Святославича.

Источники

- СПГЯ – Сказание о построении града Ярославля // Лебедев А.Н. Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле. – Ярославль: Тип. Губерн. зем. управы, 1877. – С. 8–11.
- ХАГЦ – *Адам Бременский*. Хроники архиепископов Гамбургской церкви // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия, IX – первая половина XII в. / Под ред. М.Б. Свердлова. – М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1989. – С. 1–327.
- ОГР – *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Россия XVI века: Воспоминания иностранцев. – Смоленск: Русич, 2003. – С. 14–152.
- ПВЛ – Повесть временных лет: в 2 ч. / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – Ч. 1. – 406 с.
- ИЛ – Полное собрание русских летописей: в 15 т. / Под ред. Е.Ф. Карского. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – 938 стб.
- ЖФИ – Житие Фёдора и Иоанна по списку Троице-Сергиевой Лавры // Жития святых: в 2 т. – М.: Изд-во Моск. Дух. акад., 1915. – Т. 2. – С. 44–46.
- ЗП – *Ибн-Фадлан*. Записки путешественника // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских: с половины VII до конца X в. по Р. Х. / Собр., пер. и объясн. А.Я. Гаркави. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1870. – С. 82–116.
- СК – *Качановский В.В.* Славянская Кормчая книга XII ст. // Изв. Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. – 1897. – Т. 2, кн. 4. – С. 1068–1108.
- ЖСПОИ – Житие Спиридона Проскурника и Олимпия Иконника // Киево-Печерський патерик / Під ред. Д.І. Абрамовича. – Киев: Час, 1991. – 278 с.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / Под ред. А.Н. Насонова. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 642 стб.
- УСЯ – Устав князя Святослава Ярославича // Макарий (Булгаков М.П.). История русской церкви: в 12 т. – СПб.: Тип. Ю.А. Бокрама, 1868. – Т. 2. – С. 83–86.

ЖМ – Житие Михаила первого митрополита Киевского // Жития святых: в 12 кн. – Киев: Изд-во Киево-Печер. Лавры, 1855. – Кн. 11. – С. 270–278.

Литература

1. *Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. – М.: Ладога, 2007. – 303 с.
2. *Тимощук Б.А.* Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ) // Рос. археология. – 1993. – № 4. – С. 110–121.
3. *Щапов Я.М.* Церковь в системе государственной власти Древней Руси. Десятина и её происхождение // Древнерусское государство и его международное значение: Сб. ст. – М.: Наука, 1965. – С. 297–325.
4. *Мансикка В.Й.* Религия восточных славян. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 368 с.
5. *Клейн Л.С.* Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества. – СПб.: Евразия, 2004. – 479 с.
6. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI – XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
7. *Нидерле Л.* Славянские древности / Пер. с чеш. Т. Ковалевой, М. Хазанова. – М.: Алетей, 2000. – 592 с.
8. *Будур Н.В.* Повседневная жизнь викингов. IX – XI века. – М.: Мол. гвардия, 2007. – 463 с.
9. *Magnusson M.* Viking: Hammer of the North. – London: Harpercollins, 1976. – 432 p.
10. *Русанова И.П.* Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром // Культура Древней Руси / Отв. ред. А.Л. Монгайт. – М.: Наука, 1966. – С. 233–237.
11. *Русанова И.П.* Культовые места и языческие святилища славян VI – XIII вв. // Рос. археология. – 1992. – № 4. – С. 50–67.
12. *Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Збручское святилище (предварительное сообщение) // Сов. археология. – 1986. – № 4. – С. 90–99.
13. *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – XI ст. // Древнерусская держава и её международное значение. – М.: Наука, 1965. – С. 391–419.
14. *Рыбаков Б.А.* Первые века русской истории. – М.: Наука, 1964. – 240 с.
15. *Боровский Я.Е.* Мифологический мир древних киевлян. – Киев: Наукова думка, 1982. – 103 с.
16. *Михайлов К.А.* Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Рос. археология. – 2004. – № 1. – С. 35–45.
17. *Винников А.З.* Славянские курганы лесостепного Дона. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 192 с.
18. *Моця А.П.* Погребальные памятники южнорусских земель IX – XIII вв. – Киев: Наукова думка, 1990. – 154 с.
19. *Жарнов Ю.Э.* Животные в погребальном обряде курганов периода становления древнерусского государства // Сов. археология. – 1991. – № 2. – С. 76–89.
20. *Каргер М.К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города: в 2 т. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – Т. 1. – 579 с.
21. *Травкин П.Н.* Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Иваново: Талка, 2007. – 312 с.

Поступила в редакцию
16.05.16

Козлов Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры «Исторические, философские и социальные науки»

Севастопольский государственный университет
ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, 299053, Россия
E-mail: *knn_75@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 4, pp. 779–790

**“Жряху им, наричюще богы” (“They Feel Themselves the Gods”):
Sources of the Content of Ancient Russian Pagan Sanctuaries and Their Priests**

M.N. Kozlov

Sevastopol State University, Sevastopol, 299053 Russia
E-mail: *knn_75@mail.ru*

Received May 16, 2016

Abstract

This paper is devoted to Eastern Slavonic pagan sanctuaries and their priests. This issue has been little studied by Russian researchers.

The purpose of the investigation is historical reconstruction of the pagan cult system specifics of our ancestors in the pre-Christian age.

The source analysis of the problem has been carried out. The biased criticism of the currently available basis for source studying of Ancient Rus during the pre-Mongolian period has been revealed.

The following methods have been used to fulfill the above purpose: comparative philosophical religious and comparative analytical analysis, as well as such general scientific methods as analysis, synthesis, generalization, individualization, and historical narration.

While working on the paper, both written and archaeological sources have been used. The written sources date back to the 6th – 17th centuries, including data on the cult system of the early Slavs in the pagan and early Christian epochs. They are native chronicles of the 11th – 14th centuries (Primary Chronicle, Hypatian Codex, and Novgorod First Chronicle), Lives of Saints, Legend of Yaroslavl Foundation. The materials of foreign authors of the 9th – 11th centuries (Ibn-Fadlan, Adam of Bremen) have been also considered. Archaeological data have been also carefully analyzed: materials of the excavation at East Slavonic settlements, sanctuaries, and warriors' mounds.

Using the vast scope of historical data, the peculiarities of keeping small family sanctuaries, sanctuary settlements, city sacred centers and its priests have been reconstructed. The main peculiarities of pagan cult in cities have been discovered. The hierarchy of priests has been identified. Special attention has been paid to regular financing of a city sanctuary in the city of Kiev, when Vladimir, the Prince of Kiev, issued the corresponding order in 980.

Keywords: sanctuary, temple, sacrifice, tithe, pagan worldview, idols, magi, priests

References

1. Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. Pagan Sanctuaries of the Early Slavs. Moscow, Ladoga, 2007. 303 p. (In Russian)
2. Timoshchuk B.A. Pagan priesthood of Ancient Rus (Based on the Materials on Sanctuary Sites). *Rossiiskaya Arkheologiya*, 1993, no. 4, pp. 110–121. (In Russian)
3. Shchapov Ya.M. Ancient Russian State and Its International Importance. *Tserkov' v sisteme gosudarstvennoi vlasti Drevnei Rusi. Desyatina i ee proiskhozhdenie* [Church in the System of State Government in Ancient Rus. Tithe and Its Occurrence]. Moscow, Nauka, 1965, pp. 297–325. (In Russian)

4. Mansikka B.I. Religion of the East Slavs. Moscow, IMLI Ross. Akad. Nauk, 2005. 368 p. (In Russian)
5. Klein L.S. The Rising of Perun: On the Reconstruction of the Eastern Slavonic Paganism. St. Petersburg, Evraziya, 2004. 479 p. (In Russian)
6. Sedov V.V. The East Slavs in the 6th – 13th Centuries. Moscow, Nauka, 1982. 327 p. (In Russian)
7. Niederle L. Slavic Relics. Kovaleva T., Khazanov M. (Eds.). Moscow, Aleteia, 2000. 592 p. (In Russian)
8. Budur N.V. Everyday Life of Vikings. 9th – 11th Centuries. Moscow, Molod. Gvardiya, 2007. 463 p. (In Russian)
9. Magnusson M. Viking: Hammer of the North. London, Harpercollins, 1976. 432 p.
10. Rusanova I.P. Culture of Ancient Rus. *Yazycheskoe svyatilishche na r. Gnilopyat' pod Zhitomirom* [A Pagan Sanctuary on the Gnilopyat' River near Zhytomyr]. Mongait A.L. (Ed.). Moscow, Nauka, 1966, pp. 233–237. (In Russian)
11. Rusanova I.P. Places of worship and pagan sanctuaries of the 6th – 13th centuries. *Rossiiskaya Arkheologiya*, 1992, no. 4, pp. 50–67. (In Russian)
12. Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. Zbruch sanctuary (preliminary communication). *Sovetskaya Arkheologiya*, 1986, no. 4, pp. 90–99. (In Russian)
13. Novosel'tsev A.P. Ancient Russian State and Its International Role. *Vostochnye Istochniki o Vostochnykh Slavyanakh i Rusi VI – XI st.* [The Eastern Sources on the East Slavs and Rus of the 6th – 11th Centuries]. Moscow, Nauka, 1965, pp. 391–419. (In Russian)
14. Rybakov B.A. The Early Centuries of the Russian History. Moscow, Nauka, 1964. 240 p. (In Russian)
15. Borovskii Ya.E. The Mythological World of the Early Kievans. Kiev, Naukova Dumka, 1982. 103 p. (In Russian)
16. Mikhailov K.A. The Kiev pagan necropolis and the Tithe church of the Virgin. *Rossiiskaya Arkheologiya*, 2004, no. 1, pp. 35–45. (In Russian)
17. Vinnikov A.Z. Slavic Burial Mounts of the Forest-Steppe Don Region. Voronezh, Izd. Voronezh. Univ., 1984. 192 p. (In Russian)
18. Motsya A.P. Burial Monuments of the South Russian territories in the 9th – 13th Centuries. Kiev, Naukova Dumka, 1990. 154 p. (In Russian)
19. Zharnov Yu.E. Animals in the funeral ceremony of burial mounts during the period of establishment of Ancient Rus. *Sovetskaya Arkheologiya*, 1991, no. 2, pp. 76–89. (In Russian)
20. Karger M.K. Ancient Kiev: Essays on Material Culture History of Old-Russian City. Vol. 1. Moscow, Akad. Nauk SSSR, 1958. 579 p. (In Russian)
21. Travkin P.N. Paganism in the Ancient Russian Province. Small Town. Ivanovo, Talka, 2007. 312 p. (In Russian)

Для цитирования: Козлов М.Н. «Жряху им, наричюще богы»: источники содержания древнерусских языческих святилищ и их служителей // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 779–790.

For citation: Kozlov M.N. “Жряху им, наричюще богы” (“They feel themselves the gods”): Sources of the content of ancient Russian pagan sanctuaries and their priests. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 4, pp. 779–790. (In Russian)